

Тупик “зелёной экономики”

“Зелёная экономика” зашла в тупик. Избрание в Белый дом Дональд Трампа, сторонника ископаемой энергетики, и кризис реструктуризации в автопроме в Европе и Японии ставят вопрос о том, как будет осуществляться энергетический переход планеты: либо с откладыванием сроков, сокращением средств и целей, либо в виде беспорядочного отступления, либо же вообще будет решено отказаться от долгосрочной цели по достижению нулевых выбросов углекислого газа примерно к середине века?

Европейские ответы

Ответом Еврокомиссии стали объявленный в июле “Курс чистой промышленности”, который созвучен докладу Драги даже по названию (только “чистой”, а не “зелёной”), и заявления Стефана Сежурне, нового комиссара ЕС по вопросам европейской промышленной стратегии и внутреннего рынка и вице-председателя Еврокомиссии по вопросам процветания и промышленной стратегии. План состоит в том, чтобы объединить «декарбонизацию и конкурентоспособность» и исправить ситуацию в автопроме, где проводится «климатическая политика без промышленной политики».

В начале декабря появился документ Института Брейгель, в котором всё ещё обсуждается ортодоксальная версия “Зелёного курса”: эксперты института пессимистично оценивают состояние энергетической конверсии в Европе, но не исключают возможности корректировки курса. «Достижение необходимого уровня инвестиций в период 2025–2030 гг., вероятно, будет исключительно трудным»; «Европа не на верном пути для достижения своих климатических целей». Этому препятствуют растущие ограничения на государственные инвестиции, окончание действия плана “Next Generation EU”, который после пандемии распределил 750 млрд евро, узость национальных бюджетов и ложные нарративы националистических партий.

Жан Пизани-Ферри подсчитывает финансовые потребности конверсии. В течение десятилетия 2011–2020 гг. общий объём европейских инвестиций в энергетику и транспорт составлял 860 млрд евро в год, что соответствует среднегодовому значению в 5,8 % ВВП. Сегодня требуются дополнительные инвестиции – как частные, так и государственные – ещё на 2 процентных пункта ВВП, так что их общий объём должен достигнуть 7,7 % в год в решающую пятилетку 2025–2030 гг. Пизани-Ферри считает, что дополнительных государственных инвестиций в размере от 0,5 до 1 % ВВП будет достаточно. Вмешательство будет осуществляться в рамках жёстких бюджетных ограничений (сокращение субсидий на ископаемую энергетику, выделение “зелёных” фондов в зависимости от результатов, увеличение “зелёных” расходов в бюджете ЕС с 20 до 30 %, повышение цен на углерод) и финансовой структуры, основанной на двух столпах – Союзе рынков капитала и Европейском инвестиционном банке (ЕИБ). Это позволит реализовать предложение Энрико Летты о европейских “зелёных” гарантиях в размере 30 млрд евро от ЕИБ и Еврокомиссии, призванных мобилизовать инвестиции на сумму 300–350 млрд евро.

Этот доклад, вероятно, имеет целью ускорить создание Союза рынков капитала, не в последнюю очередь потому, что изложенный в нём план основан на дополнительных ежегодных вливаниях в размере двух пунктов ВВП, или около 450 млрд евро, в то время как всего на энергетику и транспорт каждый год будет необходимо привлекать капитал в 1,3 трлн евро. Это серьёзный вызов для Европы, которую с востока поджимает война и необходимость последующего восстановления, с запада требуют перевооружения и угрожают пошлинами, а внутри приходится иметь дело со стагнирующими и закредитованными экономиками, а также политическим кризисом в её главных столицах – Париже и Берлине.

“Энергетическое сосуществование”

Ричард Хаас, почётный президент Совета по международным отношениям, в статье для *Project Syndicate* критикует концепцию «энергетического перехода». Эта концепция основана на «необходимости перехода от ископаемой энергии к возобновляемым источникам энергии», но при этом она заставляет правительства противопоставлять «цели, которые должны дополнять друг друга», – борьбу с изменением климата и политику энергетической безопасности. Исторически, пишет Хаас, энергетический переход сопровождался экономическими

изменениями, которые создавали спрос на новые источники энергии. С началом промышленной революции паровой двигатель, двигатель внутреннего сгорания и рост производства подтолкнули общество к переходу от древесины к углю, а затем к нефти и газу. В нынешнем переходном периоде цель постепенной замены ископаемого топлива возобновляемыми источниками энергии *«не достигается»*. Не происходит и *«дефоссилизации»* энергии. Нефть, газ и уголь по-прежнему обеспечивают 80 % мировой энергии. “Развивающиеся” экономики, рост которых составил 25 %, привели к росту потребления нефти и газа на 14 %, в то время как потребление угля в Китае и Индии находится на рекордном уровне. *«Возобновляемые источники энергии, хотя их потребление быстро растёт, не заменяют углеводороды, по крайней мере на данный момент»*.

Причина в том, что спрос на энергию, растущий на 2,3 % в год, поглощает все её виды, особенно американские углеводороды, получаемые посредством гидроразрыва пласта. Европейский союз, отказавшись в своём развитии от традиционных источников энергии с целью достижения нулевых чистых выбросов к 2050 году, поставил под угрозу свой рост. Хаас считает, что “энергетический переход” достиг своего предела и что отсутствие тезиса об отказе от ископаемой энергетики в проектах документов Конференции ООН по климату в Баку, состоявшейся два месяца назад, сигнализирует о *«необходимости новой парадигмы: энергетического сосуществования»*.

Необходимо адаптировать энергетические сети к различным источникам энергии, повышать эффективность её использования, совершенствовать технологии улавливания и хранения углерода, продвигать государственно-частное партнёрство в сфере возобновляемых источников энергии, отдавать *абсолютный приоритет* переходу от угля к газу и к возобновляемым источникам энергии.

В рах energetica Хааса “абсолютным приоритетом” является обеспечение доли американского сланцевого газа на энергетическом рынке “развивающихся” экономик. Но уходящая в отставку министр энергетики Дженнифер Грэнхолм возводит последнюю экологистскую баррикаду: объявленный Трампом *«неограниченный экспорт»* американского газа не только нанесёт ущерб экономике самих США, сократив объём доступного газа и повысив на него цены, но и ударит по “развивающимся” экономикам, заменив не уголь, а возобновляемые источники энергии. Наконец, это будет способствовать удовлетворению энергетических потребностей Китая.

Ставка на “3-3-3”

Америка Трампа попытается максимально использовать непредвиденные энергетические доходы от сланцевой нефти и сланцевого газа, сглаживая нормативные препятствия, разрешая строительство нефте- и газопроводов, приостановленное Джо Байденом, и либерализуя экспорт нефти и сжиженного газа. *The Economist* перечисляет параллельные преимущества, которые Трамп намерен извлечь из гипотетического нового *«нефтяного бума»*: сокращение американского торгового дефицита, увеличение федеральных налоговых поступлений, возможность ввести новые санкции против Ирана без повышения цен на нефть, увеличить с помощью газа растущий спрос на энергию со стороны искусственного интеллекта, усилить энергетическую зависимость Европы.

Энергетическое оружие Трампа с несколькими боеголовками частично отражено в формуле экономической политики нового министра финансов Скотта Бессента: “3-3-3”. довести рост ВВП до 3 %, сократить дефицит федерального бюджета до 3 % и увеличить добычу нефти и газа на 3 млн эквивалентов барреля в день. Если рост добычи нефти и газа продолжится такими же темпами, как после начала войны на Украине, то цель Бессента будет достигнута: с февраля 2022-го по сентябрь 2024 года добыча сырой нефти выросла на 2 млн баррелей, а газа – ещё на 2 млн эквивалентов барреля. Однако, по мнению *The Economist*, рыночные цены не позволяют сделать такой вывод. Цена американской сырой нефти (WTI) сегодня составляет около 70 долларов за баррель; сектор стал очень концентрированным; лучшие скважины истощены; акционеры крупных, доминирующих корпораций требуют стабильных дивидендов. По данным Федерального резервного банка Канзас-Сити, нефтяные компании не будут расширять бурение до тех пор, пока цены не достигнут 89 долларов за баррель. JPMorgan, напротив, прогнозирует, что из-за *«вялого»* роста мировой экономики, обильных поставок

нефти и распространения электромобилей цена барреля WTI составит 64 доллара в конце 2025 года и 57 долларов в 2026-ом. По оценкам МЭА, к 2028 году добыча сырой нефти в США вырастет всего на 600 тыс. баррелей.

Спасёт ли сланцевый газ ставку Бессента? По оценкам Rystad Energy, к 2028 году добыча газа увеличится на 2,1 млн эквивалентов барреля в день. Но МЭА, даже в своей самой оптимистичной гипотезе, ожидает роста лишь на 0,5 млн эквивалентов барреля. Цены и здесь играют свою роль. Производители, опрошенные Федеральным резервным банком Канзас-Сити, хотят, чтобы цена была на 40 % выше нынешней, и тогда они будут производить больше. Другие крупные производители газа – Катар, Австралия и Канада – снижают цены за счёт увеличения добычи.

Надо сказать, что ожидаемые цены иллюстрируют соответствующие сценарии и расчёты. В игру вступают пошлины, санкции, ответные меры, инвестиции, бартер между газом, оружием и тарифными скидками. В уравнение Бессента сможет войти даже конкурент США в сфере поставок сжиженного природного газа (СПГ) Катар, если очень богатый катарский фонд активов инвестирует в американский сланцевый газ, СПГ или перевооружение.

Французская критика

Исследователь парижского Национального центра научных исследований (CNRS) Жан-Батист Фрессо также критикует *«энергетический переход»*. Если Хаас провозглашает *«энергетическое сосуществование»* результатом поражения, которое якобы вытеснит ископаемую энергию из социальной жизни нового тысячелетия, Фрессо говорит о *«симбиозе»* источников энергии как естественном законе экономики. В книге *“Sans transition”* (“Без перехода”) концептуальная критика автора заключается в том, что термин *«переход»* предполагает модель истории энергетики, состоящую из *«последовательности энергетических систем во времени»*, в то время как на самом деле *«все первичные источники энергии срастались и накапливались, не заменяя друг друга»*. Критика поднимает интересный статистический аспект, связанный с абсолютными физическими данными по энергопотреблению. *«После двух столетий “энергетических переходов”, – отмечает Фрессо, – человечество никогда не сжигало столько нефти и газа, столько угля и столько древесины. Сегодня ежегодно для сжигания вырубается около двух миллиардов кубометров леса, что в три раза больше, чем столетие назад. В настоящее время древесина даёт в два раза больше энергии, чем ядерное деление, в два раза больше, чем гидроэнергетика, и в два раза больше, чем солнечная и ветровая энергетики вместе взятые»*.

То же самое, утверждает Фрессо, касается и угля, который считается ископаемым топливом XIX века, тогда как 95 % его было добыто после 1900 года. Наибольший рост добычи угля – на 300 % (!) – произошёл в период с 1980-го по 2010 год. Скачок цен на нефть в 1970-х гг. привёл к тому, что нефть потеряла 10 процентных пунктов в энергетическом балансе промышленно развитых стран, отдав первенство углю, который с тех пор не имеет конкурентов в производстве электроэнергии, и только сегодня его подрывают возобновляемые источники. Но следует также отметить, что древесина, несмотря на её роль жизненно важного топлива для широких слоёв беднейшего населения, никогда не включалась в число видов топлива для производства электроэнергии.

Производительные силы и энергетический базис

Абсолютное потребление какого-либо отдельного источника энергии со временем расширяется в контексте увеличения общего потребления энергии, при этом потребление менее эффективных форм источников энергии сокращается в относительном выражении. Фрессо знает об этом и публикует график, показывающий взлёты и падения веса отдельных источников энергии в американском энергобалансе: доля древесины упала с 90 % в 1850 году до 3 % в 1950-ом, доля угля выросла с 10 % в 1850 году до 80 % в 1910-ом, а затем обрушилась до 20 % в 1960-е, потом падение прекратилось с вовлечением в электрический цикл масс, а потребление нефти и газа взлетело в конце XIX века и достигло доли почти в 80 % в 1980 году.

Понятие “симбиоз” может быть полезно для общественной науки, если оно сформулировано, как это делает Маркс, с использованием биологических концепций *дифференциации, специализации и упрощения* (к которым прибегал Дарвин), то есть тех форм, которые

принимают общественное разделение труда и производительные силы. Этот метод позволяет увидеть как непрерывность, так и разрыв в экономических процессах. Самой устойчивой движущей силой в истории является человек, отмечает Маркс. На определённом уровне развития производительных сил новые потребности проявляются как революционные элементы. Изменение энергетического базиса является одним из таких революционных элементов.

Декабрь 2024 г.